

Навицкайте Эдита Антоновна

**ЧУЖОЙ-МУСУЛЬМАНИН - СОЗДАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА КАК МАНИПУЛЯТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА**

В рамках данной статьи рассматривается процесс формирования отрицательного представления о Чужом-мусульманине (The Muslim Other) в англоязычной прессе. Хотя феномен Чужого необходим для нормального формирования нации, он часто сопряжен с демонизацией и дегуманизацией определенных социальных или этнических групп, политических режимов, отдельных государств, что впоследствии дает основания для оправдания применения насилия в отношении Чужих.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/10-1/36.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 10(64): в 3-х ч. Ч. 1. С. 126-130. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. Дэн Цзэ Д. Ц. Родной диалект как основа фонетической интерференции в русской речи китайцев // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2011. № 4. С. 194-202.
2. Мордвищева В. С., Никулина Н. А. Язык до Киева доведет: методические указания для студентов-иностранцев по развитию навыков устной речи: в 2-х ч. Тюмень: ТюмГНГУ, 2013. Ч. 1. 44 с.
3. Никулина Н. А. Образовательный и воспитательный потенциал курса «Беседы о русской культуре» в преподавании РКИ // Актуальные проблемы преподавания русского языка как иностранного. Тюмень: ТюмГНГУ, 2015. С. 142-162.
4. Просвирина Н. С. Обучение фонетике русского языка // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 33. С. 46-60.
5. Фэн Бо. Система упражнений для обучения китайских студентов-филологов аудированию лекций по специальности (первый курс российского вуза): автореф. дисс. ... к. пед. н. М., 2008. 41 с.
6. Шустикова Т. В. Формирование русской фонетической культуры иностранного специалиста в системе российского высшего образования: автореф. дисс. ... д. пед. н. М., 2010. 55 с.

**FORMATION OF AUDITORY AND ARTICULATORY SKILLS OF CHINESE STUDENTS
BY THE MATERIAL OF REGIONALLY ORIENTED DIALOGUES**

Mordvintseva Valentina Samuilovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Tyumen Industrial University
mordvintseva@inbox.ru

The article analyzes the problems of the formation of auditory and articulatory abilities and skills while studying the Russian language as a foreign one. The linguistic and extralinguistic reasons of the occurrence of phonetic difficulties topical for Chinese audience are revealed. The use of the didactic potential of the dialogue in the organization of a nationally oriented accompanying course on correcting and consolidating the phonetic skills of students studying the Russian language is suggested.

Key words and phrases: speech activity; auditory and articulatory skills; language interference; typology of phonetic difficulties; nationally oriented models of forming auditory and articulatory skills.

УДК 811.111

В рамках данной статьи рассматривается процесс формирования отрицательного представления о Чужом-мусульманине (The Muslim Other) в англоязычной прессе. Хотя феномен Чужого необходим для нормального формирования нации, он часто сопряжен с демонизацией и дегуманизацией определенных социальных или этнических групп, политических режимов, отдельных государств, что впоследствии дает основания для оправдания применения насилия в отношении Чужих.

Ключевые слова и фразы: политический медиадискурс; образ врага; Чужой; ислам; мусульманин.

Навицкайте Эдита Антоновна, к. филол. н.
Санкт-Петербургский горный университет
edita007@yandex.ru

**ЧУЖОЙ-МУСУЛЬМАНИН – СОЗДАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА
КАК МАНИПУЛЯТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА**

Медиадискурс, играя особую роль в поддержании политического дискурса, служит в настоящее время главным каналом осуществления политической коммуникации, обладает способностью манипулировать восприятием широкой массовой аудитории, вырабатывает и стимулирует определенные стереотипы и предубеждения. В пространстве политики, как в семантическом поле или концептосфере, каждое отдельное СМИ определяет его центр – страну, государство или регион, в рамках которых они применяют свою шкалу оценок, выделяя «своих» и «чужих» на основании культурной или этнической принадлежности. Данный дискурс связан с использованием идеологем, тенденциозной информации, основанной на предубеждении, которая используется средствами массовой информации в качестве эффективного средства внушения той или иной точки зрения [27].

Зависимость современного общества от информации не подлежит сомнению и является объективным фактом. Служить источником информации – одна из основных функций как медиадискурса, так и политического дискурса СМИ. Хотя «информация в широком смысле слова – это отражение реального мира» [3, с. 28], передача информации представляет собой не констатацию фактов объективной реальности, а их интерпретацию. Информация не может не вызывать определенные мыслительные процессы и эмоциональные состояния, она формирует мысли реципиента политического медиадискурса, структурирует его опыт и определяет его взгляды на окружающий мир. Отсюда следует вывод о том, что, информируя, политический дискурс СМИ воздействует [9]. Информация вводится в СМИ и фиксируется не сама по себе, а для достижения определенной цели, и, с точки зрения автора сообщения, она всегда существенна, релевантна, должна изменить поведение воспринимающего и,

в известном смысле, рассчитана на определенный эффект и воздействие на адресата. Политический медиадискурс, представляя собой сферу пересечения политического дискурса и дискурса СМИ, характеризуется повышенной субъективностью подачи информации, способствует преднамеренному созданию смысловой неопределенности в медиатекстах и, как следствие, неполному пониманию сообщений СМИ широкой аудиторией. Данные свойства политического медиадискурса позволяют сделать вывод о его манипулятивности, то есть, способности формировать выгодные для заказчика медиатекста взгляды, представления и образы, присущие целевой аудитории.

Образ представляет собой мысленный или вещественный конструкт, репрезентирующий какой-либо объект. В философском энциклопедическом словаре образ трактуется как «формат перцептивной мысленной репрезентации когнитивной информации об объектах и событиях, отсутствующих в поле восприятия» [11, с. 594]. Это целостное, но неполное представление какого-либо объекта или класса объектов. Образ имеет своим объективным источником предметы и явления материального мира; в этом смысле он вторичен по отношению к своему оригиналу. Материальный субстрат образа – соответствующие нейрофизиологические процессы, протекающие в коре головного мозга. Материальной формой воплощения образа выступают практически действия, язык, различные знаковые модели [2]. Фокус данного исследования – языковые средства создания образа врага, а именно – врага-мусульманина, в англоязычном массово-информационном дискурсе.

Под образом врага мы понимаем мысленный конструкт лица или группы лиц, представляющих опасность для государства и общества в определенный период времени. Образ врага создается средствами массовой информации, эксплуатируется ими и, как следствие, находит свое отражение в массовом сознании [6]. И. Б. Гасанов отмечает, что, несмотря на различия в обществах и культурах, у различных народов образ врага приобретает некоторые общие черты. Так, существует повторяющийся набор изображения противника – некий «архетип» врага, который создается как мозаика, по частям. Враг может изображаться чужаком, агрессором, варваром, преступником, иноверцем, воплощением зла [27]. Некоторые исследователи считают наличие образа врага непременным элементом авторитарно-тоталитарного типа сознания людей с фашистскими или профашистскими настроениями [1]. Наиболее типичный пример представителей данного типа приводит И. Б. Гасанов в своей работе «Национальные стереотипы и “образ врага”» – это может быть представитель «средних слоев», мелкий буржуа, скромный отец семейства, служащий или домохозяйка, которая боится зажитья нацменьшинств: они жадные, хитрые, все захватывают [4].

Одной из центральных категорий современной гуманитарной мысли, имеющей непосредственное отношение к созданию образа врага, является проблема *Чужого*. Данный термин был привнесен в лингвистику дискурса из междисциплинарных исследований представителей постмодернизма [27]. *Чужой* – это, прежде всего, не-Я, *Чужой* противостоит мне, моим ценностям, моему мировоззрению. Данная философская категория имеет древнюю историю – Платон использовал этот термин для описания взаимоотношений Наблюдателя (Я) и Наблюдаемого (*Чужого*) [Ibidem]. Позднее З. Фрейд [12], М. Мерло-Понти [7], Э. Гуссерль [5], Ж.-Л. Нанси [8] и другие мыслители в той или иной степени затрагивали проблему *Чужого* в своих исследованиях. В социологии феномен *Чужого* используется для понимания процессов, при которых сообщества и отдельные социальные группы отторгают тех, чей облик, поведение и образ мыслей не соответствуют нормам, принятым в данном социуме. Концепция *Чужого* является неотъемлемой составляющей понимания человеком своей идентичности и не всегда связана с подчинением и стигматизацией *Чужого*. Данный феномен необходим для нормального формирования нации, при котором практика вовлеченности одних лиц и неприятия других создает и помогает поддерживать границы государства и укреплять национальную идентичность народа, проживающего в данном государстве. Вместе с тем, феномен *Чужого* соотносится с демонизацией определенных социальных или этнических групп, политических режимов и государств, что может послужить причиной для применения тех или иных жестких мер в отношении *Чужих*.

Современные исследования, связанные с проблемой *Чужого*, охватывают широкий спектр вопросов. Так, *Чужие* отождествляются с представителями иной расы в расистском дискурсе [15], с евреями – в антисемитском дискурсе [28], с коренным населением [13], с так называемыми ирландскими странниками (The Traveling People) – кочевым народом Ирландии [17], с мусульманами [20; 27], с бедными [23; 24] в медиадискурсе.

В настоящее время мы можем наблюдать процесс формирования отрицательного представления о *Чужом-мусульманине* (The Muslim Other) в англоязычной прессе. Противостояние Востока и Запада, христианства и ислама имеет глубокие корни. Например, *Чужими* для европейцев со времен Средневековья были именно приверженцы ислама: с ними воевали, заключали мир, торговали, поддерживали культурные и интеллектуальные связи [18]. Последующая колонизация европейцами ближневосточных и азиатских территорий способствовала тому, что европейцы и мусульмане длительное время находились в состоянии вражды. Данная ситуация подтверждает гипотезу американских социальных психологов Т. Шибутани и К. М. Квана о том, что образ чужой этнической группы в сознании народа определяется характером его собственных исторических взаимоотношений с этой группой [25]. Представители господствующей группы воспринимают зависимую народность, прежде всего, сквозь призму своего главенствующего положения. Порабощенные народы рассматриваются как низшие, дикие, неполноценные, нуждающиеся в опеке и руководстве.

В последние десятилетия тема ислама и мусульман в англоязычном медиадискурсе приобрела еще большую остроту, чему способствовал, наряду с многочисленными терактами, совершаемыми представителями радикального ислама в странах Западной Европы, бурный приток населения преимущественно из мусульманских стран в Северную Америку и Западную Европу начиная с 2000-х, тяжелая ситуация с сирийскими беженцами в 2015 и 2016 гг. Вместе с тем отметим, что в ряде либеральных СМИ *Чужой-мусульманин*

не всегда представлен с негативной стороны, однако нельзя отрицать, что преобладающая точка зрения безусловно опирается на враждебное представление о мусульманах.

Российский политолог и публицист Ш. З. Султанов в своей работе «Сотворенные верой: ислам как основная проблема для Запада» приводит высказывания лидеров западноевропейских стран и авторитетных ученых, недвусмысленно указывающие на антиисламские настроения в политической среде Запада последних лет. Так, по словам бывшего генерального секретаря НАТО Дж. Колфена, «есть старое противостояние между нами и исламом, которое рано или поздно возобновится, и мы не знаем, кто выиграет это сражение». М. Тэтчер, будучи премьер-министром Великобритании, так оправдывала необходимость сохранения НАТО: «Западной цивилизации угрожает опасность еще большая, чем коммунизм, и это ислам». М. Сала, профессор Американского университета в Вашингтоне не сомневается в том, что отношения Запада с исламскими государствами будут враждебными, он подчеркивает, что говорить о разнице между исламом экстремистского толка и умеренным исламом было бы неверно. Разница состоит лишь в том, какие тактические приемы используют представители исламских организаций [10].

Известный американский социолог и политолог С. Хантингтон в своей книге «Столкновение цивилизаций» подчеркивает, что основная проблема Запада – не исламский фундаментализм как таковой. Это – весь ислам в целом, который есть не что иное, как иная цивилизация. В конце двадцатого века конфликт между исламом и странами, исповедующими иудео-христианские ценности, достиг апогея. Автором сформулированы причины, которые привели к обострению противостояния. К ним можно отнести, во-первых, рост населения в мусульманских странах, что породило значительное число безработных и недовольных молодых людей, вливающих в ряды исламистских организаций; во-вторых, исламское возрождение, придавшее мусульманам новую уверенность в ценности их собственной цивилизации и в том, что их мораль превосходит западную; в-третьих, усилия Запада по сохранению своего военного и экономического превосходства, а также вмешательство в конфликты в исламском мире, которое вызывает среди мусульман яростное возмущение; в-четвертых, крушение коммунизма лишило Запад и исламский мир общего врага, и каждая из сторон превратилась в основную угрозу для другой; в-пятых, рост контактов между мусульманами и людьми Запада, их смешение и, как следствие, усиление у тех и других ощущения собственной идентичности и понимания того, как эта идентичность отличает их друг от друга. Очевидно, что причины конфликта между исламом и странами Запада лежат в области фундаментальных вопросов власти и культуры [19].

Наш анализ показал, что в медиадискурсе диапазон используемых лингвистических средств объективации негативного образа ислама чрезвычайно широк. Рассмотрим лишь некоторые из них. Так, большая часть упоминаний ислама и мусульман в англоязычной прессе связана с осуществлением актов насилия со стороны мусульман в отношении как немусульман, так и мусульман, исповедующих ислам иного толка. Подавляющее большинство лексических единиц (далее ЛЕ), составляющих окружение лексем *Muslim* – мусульманин, мусульманский, *Islam* – ислам, *Islamic* – исламский, связано с агрессией, насилием, нанесением физического ущерба. При этом используются ЛЕ, вербализующие различные способы насилия и уничтожения, наряду с ЛЕ, номинирующими орудие насилия/убийства (*to murder* – убивать, *to destroy* – разрушать, *to bomb* – бомбить, *to blow up* – взрывать, *to behead* – обезглавливать, *to execute* – казнить, *to rape* – насилловать и др.): This country is a free country but we can't even speak anymore without wondering if some Muslim will murder us [26]. / Это свободная страна, но мы даже не можем высказать свое мнение без того, чтобы не задуматься – а вдруг какой-нибудь мусульманин убьет нас? (здесь и далее перевод автора статьи – Э. Н.). В следующем примере прямо утверждается, что насилие заключено в природе ислама. Мусульмане, не имея в поле зрения врага, убивают своих единоверцев исключительно потому, что не могут не убивать. Погибая при этом сами, они считаются мучениками: The split within Islam began the day Mohammed died and it has grown more violent ever since. There is a good reason for this: Islam is a violent and warring belief. It is so violent that if unable to kill a perceived enemy, it turns on its own, ending lives in a hail of bullets or in a premeditated explosion from a suicide bomber. The killers are then instantly dubbed martyrs-for-Allah for killing fellow Muslims who did not follow Islam as their sect interprets Islam [Ibidem]. / Раскол внутри ислама начался со смертью Пророка Мухаммеда и с тех пор становился всё более жестоким. Этому есть причина: ислам – это жестокая и воинственная религия. Ислам настолько кровожаден, что, не имея возможности убивать предполагаемого врага, он нападает на своих приверженцев, отнимая жизни под градом пуль или заранее спланированным взрывом террориста-смертника. Убийц тут же называют мучениками во славу Аллаха за то, что они уничтожили своих братьев-мусульман, исповедовавших ислам иного толка.

Одной из ключевых составляющих исламской религии принято считать подчиненное положение женщины в мусульманском обществе. Данная тематика активно эксплуатируется в англоязычной публицистике. Наряду с глаголами *murder* – убивать, *strangle* – душить, *choke smb. to death* – удавить часто используются такие ЛЕ и словосочетания, как *submission of women to men* – подчинение женщин мужчинам, *fulfill the sexual desires of their husbands* – удовлетворять сексуальные прихоти своих мужей, *honor killing* – убийство чести, *stoning* – забивание камнями, *whippings* – сечение розгами, *rape* – изнасилование, *victim* – жертва и др., вербализующие жестокое отношение к женщине в странах, где государственной религией является ислам: The word “Islam” means “submission”, submission to God. But in most of the Muslim world, males have made the faith revolve around the submission of women to men [22]. / «Ислам» переводится как «подчинение», подчинение Богу. Но в большинстве мусульманских стран мужчины извратили понимание веры – для них вера состоит в подчинении женщины мужчинам.

В Афганистане женщин-мусульманок избивают плетьюми и побивают камнями, они фактически находятся в рабской зависимости от мужчин, не имея возможности работать и учиться без их согласия: *The Afghan women... suffered for years under the whippings and stonings of the Taliban... Both houses of Parliament passed and Karzai signed the Home Life Law, declaring that women must fulfill the sexual desires of their husbands and are prohibited from working or going to school without male permission* [Ibidem]. / Афганские женщины... многие годы *страдали от избиений плетьюми и забивания камнями* при власти Талибана... Обе палаты парламента одобрили, а Карзай подписал Закон о семейной жизни, который гласит, что *женщина обязана удовлетворять сексуальные прихоти своего мужа, ей запрещено работать или учиться без разрешения мужа*.

В исламе широко распространен обычай так называемого «убийства чести», когда нарушившую законы шариата женщину убивают ее родственники мужского пола. Однако встречаются и случаи подобных убийств, совершенных руками матерей. Особо подчеркивается отсутствие у убийц раскаяния: *Two Muslim mothers in India were arrested and accused of killing their daughters for dishonoring their families for running off with Hindu men, authorities said. The mothers allegedly helped each other choke their daughters. One of the mothers told the Indian Express newspaper after her arrest on Friday: "How could they elope with Hindus? They deserved to die. We have no remorse"* [14]. / В Индии, согласно заявлению властей, две женщины-мусульманки были арестованы и обвинены в убийстве своих дочерей за то, что те обесчестили свои семьи, бежав с мужчинами-индусами. Предположительно, *женщины помогли друг другу задушить собственных дочерей*. Одна из матерей заявила корреспонденту газеты *The Indian Express*: «Как они могли бежать с индусами? Они заслуживали смерти. Мы не раскаиваемся».

Резкий антиисламский характер носят высказывания кандидата в президенты Соединенных Штатов Дональда Трампа, широко тиражируемые в СМИ и вызывающие бурную дискуссию. В частности, он особенно подчеркивает подчиненное положение женщин в мусульманских странах. В ряде стран женщинам-мусульманкам запрещено обучаться в высших учебных заведениях, водить машину, иметь право голоса на выборах. Реагируя на участвовавшие случаи терактов с десятками погибших, совершенных в США мусульманами, американский политик призвал закрыть въезд в США мусульманам, мотивируя это тем, что его страна находится в состоянии войны с исламским терроризмом. Трамп утверждает, что ислам преисполнен ненависти к «неверным»: *Donald Trump said, on Wednesday, March 9, 2016, that "Islam hates us."* Anderson Cooper did not seem totally convinced by Trump's statement. But Trump got it right, when he said, *"There's an unbelievable hatred of us"* [16]. / Дональд Трамп заявил в среду 9 марта 2016 года, что «Ислам нас ненавидит». Андерсона Купера заявление Трампа не убедило. Но Трамп правильно понял ситуацию, когда сказал: «К нам испытывают невероятную ненависть».

В целом, в англоязычном (особенно американском) медиадискурсе чрезвычайно распространена негативная риторика в отношении мусульман, вызванная тем фактом, что растущие мусульманские сообщества в Европе и США не ассимилируются на Западе, а сохраняют свои религиозные ценности, традиции и мораль, реализуя таким образом интенцию к доминированию и экспансии. Следовательно, создание образа врага является неотъемлемой чертой идеологического противостояния. Как показывает анализ западной прессы, в англоязычном дискурсе этот враг – ислам.

Список литературы

1. Адорно Т. Исследование авторитарной личности. М.: Серебряные нити, 2001. 416 с.
2. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://bse.sci-lib.com/article083207.html> (дата обращения: 27.11.2015).
3. Боришполец К. П. Методы политических исследований. М.: Аспект Пресс, 2005. 221 с.
4. Гасанов И. Б. Национальные стереотипы и «образ врага». М.: РАО, 1994. 258 с.
5. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Ювента; Наука, 1998. 315 с.
6. Костерева О. А. Образ врага в отечественной политической культуре периода Холодной войны. Опыт анализа визуального источника [Электронный ресурс]. URL: <http://psyfactor.org/lib/propaganda17.htm> (дата обращения: 06.07.2016).
7. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента; Наука, 1999. 605 с.
8. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. Минск: Логвинов, 2004. 272 с.
9. Никитина К. В. Технологии речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ (на материале газет США): автореф. дисс. ... к. филол. н. Уфа, 2006. 21 с.
10. Султанов Ш. З. Сотворенные верой: ислам как основная проблема для Запада [Электронный ресурс]. URL: <http://old.zavtra.ru/content/view/2008-10-0851/> (дата обращения: 06.07.2016).
11. Философия: энциклопедический словарь / ред. А. А. Ивин. М.: Гардарики, 2006. 1072 с.
12. Фрейд З. «Я» и «Оно» // История психологии: хрестоматия / отв. ред. П. Я. Гальперин, А. Н. Ждан. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 184-188.
13. Carbó T. Who Are They? The Rhetoric of Institutional Policies toward the Indigenous Populations of Postrevolutionary Mexico // The Language and Politics of Exclusion: Others in Discourse. L.: Sage Publications, 1997. P. 65-88.
14. Caulfield P. Muslim Mothers in India Charged with "Honor Killings" [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nydailynews.com/news/world/muslim-mothers-india-charged-honor-killings-strangling-daughters-married-hindu-men-article-1.144132> (дата обращения: 19.08.2016).
15. Dijk T. A. van. Prejudice in Discourse. Amsterdam: Benjamins, 1984. 156 p.
16. Dowling P. Donald Trump Tells Anderson Cooper the Truth [Электронный ресурс]. URL: <http://eaglerising.com/31376/on-islam-trump-preaches-truth> (дата обращения: 06.07.2016).
17. Helleiner J., Szuchewycz B. The Irish Press and the Travelling People // The Language and Politics of Exclusion: Others in Discourse. L.: Sage Publications, 1997. P. 109-131.

18. **Hentsch T.** *Imagining the Middle East*. Montreal: Black Rose Books, 1992. 218 p.
19. **Huntington S.** *The Clash of Civilizations and Remaking the World Order*. N. Y.: Simon & Schuster, 1996. 368 p.
20. **Karim K. H.** *The Historical Resilience of Primary Stereotypes: Core Images of the Muslim Other // The Language and Politics of Exclusion: Others in Discourse*. L.: Sage Publications, 1997. P. 153-183.
21. **Keen S.** *Faces of the Enemy: Reflections of the Hostile Imagination*. San Francisco: Harper & Row, 1986. 199 p.
22. **Reeves R.** *Women and Islam* [Электронный ресурс]. URL: http://www.realclearpolitics.com/articles/2009/04/18/women_and_islam_96046.html (дата обращения: 06.07.2016).
23. **Rimstead R.** *Subverting Poor Me: Negative Constructions of Identity in Poor and Working Class Women's Autobiographies // The Language and Politics of Exclusion: Others in Discourse*. L.: Sage Publications, 1997. P. 249-280.
24. **Rimstead R.** *Visits and Homecomings: Notes toward Discovering the Psychosocial Places of Poverty // Textual Studies in Canada*. 1994. № 5. P. 46-63.
25. **Shibutani T., Kwan K. M.** *Ethnic Stratification*. N. Y.: Macmillan, 1967. 626 p.
26. **Stock B.** *The Sleeping World Is Awakened to the Dangers of Islam* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.renewamerica.com/columns/stock/041128> (дата обращения: 06.07.2016).
27. **The Language and Politics of Exclusion: Others in Discourse (Communication and Human Values)** / ed. S. H. Riggins. L.: Sage Publications, 1997. 294 p.
28. **Wodak R.** *Das Ausland and Anti-Semitic Discourse // The Language and Politics of Exclusion: Others in Discourse*. L.: Sage Publications, 1997. P. 65-88.

**THE MUSLIM OTHER – ENEMY IMAGE CREATION
AS A MANIPULATIVE STRATEGY OF POLITICAL MEDIA DISCOURSE**

Navitskaite Edita Antonovna, Ph. D. in Philology
Saint Petersburg Mining University
edita007@yandex.ru

The article considers the process of the formation of the Muslim Other's negative presentation in the English language press. Although the phenomenon of the Other is necessary for the normal formation of a nation, it is often connected with the demonization and dehumanization of certain social or ethnic groups, political regimes, individual states that subsequently gives grounds to justify the use of violence against Others.

Key words and phrases: political media discourse; enemy image; the Other; Islam; the Muslim.

УДК 8; 811.161.1

В статье рассматривается постановка дефиса в предложениях с однородными членами, не соединенными союзами, где согласно правилам пунктуации ставится запятая (на материале примеров, собранных в постах и блогах «Живого Журнала»). По нашему наблюдению, такое явление должно пониматься не как ошибка или нарушение правил, а как умышленный прием автора с разнообразными целями: привлечь внимание читателей, выразить свои эмоции и чувства.

Ключевые слова и фразы: дефис; запятая; пунктуация; однородные члены предложения; эмоционально-экспрессивная функция.

Нгуен Тиен Динь

*Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина
dinhnguenvn@mail.ru*

О ПОСТАНОВКЕ ДЕФИСА МЕЖДУ ОДНОРОДНЫМИ ЧЛЕНАМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В современном русском языкознании пунктуация как система знаков препинания и сами правила их постановки в письменной речи, а также раздел грамматики, изучающий эти правила, привлекают пристальное внимание достаточно большого количества лингвистов.

Знаменитый русский ученый Ф. И. Буслаев, один из первых лингвистов, обративших сосредоточенное внимание на систему знаков препинания в русском языке, указывал на двоякое значение знаков препинания. По мнению Ф. И. Буслаева, знаки препинания:

а) способствуют ясности в отображении мыслей путем отделения одного предложения от другого или одной его части от другой;

б) выражают ощущения говорящего и его отношение к слушающему [1, с. 407].

Первое значение знаков препинания ярко выражается в использовании точки (.), запятой (,), точки с запятой (;) и двоеточия (:); а второе – в использовании восклицательного (!) и вопросительного (?) знаков, многоточия (...) и тире (–) [Там же].

Можно утверждать, что в системе русских знаков препинания запятая является одним из «древнейших» знаков, поскольку в практике письменной речи она укоренилась еще в начале XVI в.